

ВАЛЕРИЙ ГУРКОВ

Контора пишет, или Немного юмора не помешает

Валерий Гурков

Контора пишет, или Немного юмора не помешает

«Издательские решения»

Гурков В.

Контора пишет, или Немного юмора не помешает / В. Гурков —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-04-005221-9

Юмор — он везде юмор. Что-то может показаться и не смешным, в том понимании, как мы все привыкли относиться к юмору, но все рассказы имеют положительную составляющую на правильное восприятие окружающего нас мира. Спасибо всем за выбор!

ISBN 978-5-04-005221-9

© Гурков В.
© Издательские решения

Содержание

Контора пишет	6
Причинно – следственная связь	6
Швейцаров хватает	7
Первая женщина – генерал России	8
Варогушин	9
После ремонта пахнет долго	10
А это, что за... в углу стоит?	11
Вода – оружие чекистов	13
Бывает	14
Благодарность	15
Клубничные поля	16
Так продолжать лечение	18
Рога и копыта	19
Спасибо, девчонки!	21
Всевидящее око	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Контора пишет, или Немного юмора не помешает

Валерий Гурков

© Валерий Гурков, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Контора пишет

КГБ СССР – контора, домик на горке. Названий было полно среди обывателей. Ну собственно и я о конторе. Это больше воспоминания мои и моих друзей доброй иронией и юмором, чем просто мемуары. Некоторые фамилии и имена изменены, но события, описанные ниже, произошли все в действительности. Некоторые произошли не со мной, хотя и написаны от первого лица.

Причинно – следственная связь

Суббота. Начало жаркого московского дня. Советские люди не спеша просыпаются, сегодня выходной, а вся оперативная служба центрального аппарата КГБ СССР на ногах и в полном недоумении. В здание 1\3 вошёл, со слов вахтёра, зампред М. И. Ермаков и... бесследно исчез.

Камеры тогда работали только на воспроизведение, записи не было и отследить куда пошёл Михаил Иванович не было возможным. Ермаков курировал охрану КГБ, поэтому все вместо отдыха были просто на ногах. Оперативный дежурный по КГБ, дежурный комендант Комендантского отдела уже три часа разыскивали пропавшего, когда раздался звонок от того самого контролёра, который первым доложил о приходе:

- Товарищ капитан, так вот же Ермаков!
- Где?
- Вот под камерой.

Дежурный посмотрел в монитор и увидел только что отправленного на обед сотрудника с чужой смены. Звали его Злодей, он отработал уже почти пять лет и на его счету было множество задержаний. Он за месяц задерживал столько по неправильным документам сотрудников и посетителей, что многие за всю свою службу столько не могли задержать. За это его и прозвали Злодей. А фамилия была Симонов. Сегодня он вышел в чужую смену, так как закончился отпуск. Дежурный взял поданный ему утром отпускной Злодея. На нём было написано Ермаков Вадим Михайлович. Симонов в отпуске женился и взял себе фамилию супруги. Дежурный комендант знал его как Симонова, а контролёр прочитал новые документы и доложил: «Товарищ капитан, к вам Ермаков». Капитан не долго думая, что это может и не зампред, доложил о приходе руководителя оперативному дежурному по КГБ. Так и пропал зампред в коридорах здания 1\3, даже там не появляясь.

Швейцаров хватает

Был второй мой рабочий день на новой работе. Я сидел в отделе кадров и заполнял кучу анкет о себе, обо всех своих близких и родственниках. Потом меня под роспись ознакомили с кучей приказов и дали папку с фотографиями руководства. Как только я открыл её, так одна из находящихся там фотографий ожила и появилась в открытой двери кабинета. Все встали. Я, повинуясь общему состоянию, встал тоже. Подполковник Панфилов, начальник отдела кадров, доложил вошедшему и на вопрос обо мне ответил: «Наш новый сотрудник». Вошедший протянул мне руку. До него было метра два с половиной. Поэтому, я, согнувшись в спине, протянул свою руку в ответ. Рукопожатие было чисто символическим. После него, на лице вошедшего появилась добродушная улыбка, и он спросил: «Вы к нам в качестве кого пришли работать?» Я стал красочно расписывать свои задачи, перспективы – нести очередную ахинею. Он ещё сильнее улыбнулся: «Ну что ж, перспективы у вас хорошие, а зачем же начинать работать как швейцар?» Я в полном недоумении стоял перед ним, и не понимал ничего. Тогда он отошёл от меня на шаг и снова протянул руку мне. При этом он сказал: «Вам же далеко до меня, попробуйте сделать шаг или два, а затем поздороваться, понимаете?» Я так и сделал. «Ну вот», – чисто по отечески улыбнулся мой «учитель», – «так ведь лучше», – и уже совершенно серьёзным тоном он произнёс, – «запомните, молодой человек, никогда не торопитесь. Прежде чем сделать шаг в жизни, подумайте головой. И не кланяйтесь никогда, поверьте старику, в этом мире и без вас много швейцаров». Он ещё раз улыбнулся и вышел.

Мне было тогда двадцать, но я всегда по жизни помнил, и буду помнить слова великого человека, давшего мне очень мудрый совет. Звали этого человека Юрий Владимирович Андропов.

Первая женщина – генерал России

Много споров порой слышу о первом генерале женщине в России. Мне по этому поводу даже не надо лезть в интернет или брать в руки энциклопедию.

В 1990 году я работал в 12 Отделе КГБ СССР. 14 апреля мы отпраздновали пятидесятилетие полковника Смирновой Галины Ивановны, которая и возглавляла Отдел. А 25 апреля уже отмечали присвоение ей звания генерал-майора. Она и стала первым генералом женщиной России. 12 Отдел тогда просто гудел от радости, потому, что Галина Ивановна в жизни была очень замечательным человеком.

Ворогушин

В 1986 году в Москве было завершено строительство нового посольского комплекса Соединенных Штатов Америки – за исключением главного здания. Все строительные материалы комплекса привозились из-за рубежа. Всё строительство велось только зарубежными строителями, россиян в зону стройки не допускали вообще. Всё было под жёстким контролем и наблюдением.

Каково же было удивление американцев, когда Бакатин им сдал всю сеть прослушки и видео жучков посольства. Оно было, словно жуками точильщиками изъедено ходами и проводами в них. Прослушивался почти каждый кабинет посольства. А сделали это всего несколько человек во главе с тогда ещё подполковником Ворогушиным. Всё что в память от него мне осталось – два полутораметровых сверла, стоящих в углу моего кирпичного сарая. А человек был просто замечательный. Добрейшей души человек и громадной физической силы. На стрельбах все просили показать макаров в его ладони. Рукоять ПМ лежала только на трёх верхних пальцах, мизинец был свободным. А когда у нас появились в 1981 году ПСМ, то его рукояти Ворогушину хватало только на два пальца. Стас мог любого на спор посадить на пол рукопожатием. Пока Ельцын и Бакатин не развалили КГБ, ни одна разведка даже под ноги не годилась этой организации, стоящей на страже России.

Думаю, щит страны от разведок, пытающихся развалить Россию ещё наберёт свою крепость. Написал это лишь потому, что предавших интересы России: Горбачёва, Ельцына, Калугина, Бакатина знают все, а кто стоял на защите России, не знает никто, и их имена до сей поры в тени.

После ремонта пахнет долго

В конце 80-х на одном из объектов по Колпачному переулку решили заменить старую внутриведомственную АТС, которая была создана ещё при царской России, заодно сделать косметический ремонт помещения, где она находилась, и заменить старые трассовые кабели на новые. Это здание много что повидало на своём веку. Тут был институт благородных девиц, райком комсомола, из этого здания многие москвичи уходили на фронты ВОВ. Теперь оно было обиталищем одной из служб КГБ СССР.

Всё началось с того, что при прокопке траншеи во дворе здания был найден клад из многочисленных золотых и серебряных монет. Пока о кладе доложили, пока решили что делать, от клада осталось только несколько серебряных монет. Разбирательства не было. Кому было охота вешать «чепок» на подразделение. Так и разошлись монеты по чистым рукам сотрудников.

Через пару дней маляры попросили убрать стол с сейфом, который тут стоял ещё со времен революции. Ремонт делали, но сейф, из-за его тяжести, не трогали. Тут решили нарушить вековую традицию. Убрали сейф, начали поднимать стол, на котором он стоял, а крышка оказалась даже не прибитой к основанию, а просто лежала сверху. Её поставили к стене и все увидели лики святых. Это была старая икона, величиной со столешницу, написанную прямо на досках. Пока доложили, пока решили что делать, икона «ушла». Как всегда, разбор полётов не привёл ни к чему.

А после демонтажа АТС объект стал похож на индийский пункт переработки металлолома. Каждый уважающий себя сотрудник мужского пола сидел в перерывах между заданиями и выковыривал контакты из контактных групп старой АТС. АТС была царской. Все контакты были из высочайшей пробы серебра. Каждый контакт весил 2, 5 г. Это оборудование было давно уже списано, не числилось нигде. Поэтому это был мусор. Сдавали только платину, золото и прочие драг металлы из того, что было на балансе. Поэтому серебро уходило килограммами.

По завершению ремонта даже в холле основного здания поставили два кожаных финских кресла. По этому поводу очень обрадовались сотрудники охраны. Можно было теперь отсыпаться не на стуле, а на настоящем из лайковой кожи кресле. Поэтому они решили это дело отметить. Мой лучший друг, который утром прибыл на работу раньше всех и увидел эту картину, не мог до конца рассказать все минут тридцать. Просто смех душил его. Один из охранников Игорёк Егоров так злоупотребил от радости, что захотев в туалет, приподнялся, снял брюки, но сил на то чтобы идти не было, он сходил прямо в кресло и... от бесилия сел во все это. Так его и обнаружил мой друг рано утром, сидевшим с голым задом в своём дерьме, в совершенно новом кожаном финском кресле.

После этого ремонта запах стоял ещё долго...

А это, что за... в углу стоит?

День был воскресный, объект не работал, была только дежурная смена. На проверку пришёл Женя Стругалёв, он во всех смачных деталях рассказал про первую свою ночь с супругой. Мужчины никогда не делятся этим ни с кем, поэтому нас тошнило уже не только от его рассказов, но и от самого Жени, но начальство не выбирают. По неадекватному поведению нашего начальника группы мы порой долго мозговали, как «это» прошло ВВК. Но «оно» прошло и было нашим начальником.

Чтобы как-то отдохнуть от него мы послали его за продуктами к обеду. Я нарисовал, как добраться до чебуречной и позвонил своему брату, чтобы он приготовил нормальных чебуреков. До чебуречной было 15 мин ходу, через 40 минут мой брат сам принёс чебуреки. Его смена как раз закончилась, и он по дороге заскочил к нам. В этот же время пришёл Витёк, который ушёл в отпуск и решил проставиться. Он пришёл соответственно не с пустыми руками, а с шестью литрами самогонки, аккуратно разлитой по двум трёхлитровым банкам. Банки он оставил в углу возле двери в холщёвой сумке. Сам же принялся есть с нами чебуреки. Как только мы их съели, появился Женя Стругалёв. Он нам объяснил, что чебуречная была ему не по пути. Поэтому он купил 5 кг ливерной колбасы. Поняв по нашему виду, что мы не любители ливера, он нас успокоил и сказал, что он сам тогда всё съест...

Он часто так делал, покупал не то, что мы просили, а то, что мы не едим, чтобы похалывничать за наш счёт. После халявы он всегда пил воду из графина и уходил на другой объект. Мы были уже готовы к этому. Как только он пошёл мыть руки, в графин с водой были растворены три упаковки пургена. Для хорошего начальника ведь ничего не жалко. Мы побоялись, что одна упаковка не сработает.

Пришёл довольный Женя и стал уплетать ливерную колбасу, при этом смачно рыгая и чмокая. Не доев примерно полкило, он ещё раз спросил, не будет ли кто, но желающих не было, тогда он завернул остаток и положил в карман. Мы внимательно наблюдали за этим действием. После он прямо из горла выпил изрядное количество из графина. Все делали вид, что это никому не интересно, но сами тайно продолжали наслаждаться каждым глотком, который делал Женя. Пурген оказался не просроченным. Женя резко поставил графин и как спринтер международного класса метнулся в туалет. Туалет был не далеко, из него сразу раздались различные звуки, похожие на предсмертное рычание раненного зверя. Звуки эти сложно описать, поэтому делать этого не буду, как и те запахи, которые навеяло из туалета.

Когда Женя был в туалете, пришёл Саша Костиков и со словами, а это что за... стоит в углу, пнул банки ногой. К Жениным запахам прибавился запах довольно плохого самогона. Витя явно пожадничал тоже. Мы обычно все проставлялись коньяком. Все кинулись быстро вытирать образовавшуюся лужу. Как только всё прибрали, в дверь зашёл оперативный дежурный по Отделу. Он на данный момент был самым высоким начальником, да к тому же и не из нашего подразделения. На вопрос: «Ребят, чем это у вас так тут воняет, словно вы тут самогонку гоните?» Мы с один голос ответили, что у Жени похмельный синдром после свадьбы, что он никак не отойдёт. В этот момент зашёл зелёного цвета Женя. Все остальные вопросы отпали сами собой.

С тех пор Женя больше не халывничал, в магазин он не ходил, но стал менять одного из нас, чтобы мы смогли сходить по очереди на обед. А мы больше не «квасили» на объекте,

а отпуска стали отмечать у брата в чебуречной, чтобы не пить больше дерьмовый самогон. А всем напоминаю, что это зелье испортило множество судеб, жизней и разрушило множество семей. Поэтому, прежде чем поднять новый стакан за здоровье, подумайте, ведь поднимаете вы его за свой упокой.

Вода – оружие чекистов

Начало девяностых было самым беспокойным среди населения. Над страной висела реальная угроза начала гражданской войны. Это было самое сложное время и для правоохранительных органов. Все оперативники носили личное оружие, поэтому всем в срочном порядке было доведено под личную роспись: «В народ не стрелять, ни при каких обстоятельствах». Самое сложное было защитить сами объекты ФСБ. Нужно было и защитить, и был запрет применения оружия, поэтому на всех объектах были проложены и подсоединены к гидрантам противопожарные линии. Так вода стала единственным оружием чекистов...

Бывает

В 99-м меня уволили по орг-штатным мероприятиям, в простонародии: по сокращению. Через год, зайдя в «контору», увидел одного из своих знакомых. На мой дежурный вопрос, как дела? Он ответил:

– Да дурдом, вчера решили охрану проверить, приклеили на удостоверение фотокарточку с изображением козла и дали новенькому, чтобы он по этой «ксиве» прошёл везде. Почти везде и прошёл, только в трёх местах остановили.

– Бывает, – улыбнулся я и похлопал его по плечу.

Через полчаса я вообще без всякого документа прошёл вначале в столовую дома №20 Управления по Москве и Московской области ФСБ России, а затем в вещевой магазин и продовольственный. Мне бы ту «ксиву» с фоткой козла, подумал я, проходя без документов очередного охранника, просто тупо здороваясь с ним и проходя мимо.

Благодарность

Это было примерно в году 78-ом или 79-ом. Полковник Долинский был уже дома, когда зазвонил телефон оперативной связи, и дежурный по Комендантскому Отделу волнуемым голосом доложил:

- Товарищ полковник у нас ЧП!
- Ну, что ещё случилось? Не тяните...
- Один из прапорщиков охраны произвёл выстрел, стоя на посту в доме №12.
- Немедленно снять его с дежурства, до выяснения дела от работы освободить. Объявить «строгий выговор с занесением в личное дело». Всё, до утра, – он положил трубку телефона.

Только этого не хватало, подумал он...

Утром следующего дня Долинский, не слушая доклада дежурного, произнёс: «Иди, показывай, где, что тут у тебя случилось!» Они прошли мимо старой приёмной КГБ СССР в доме №12 и на лифте спустились в подвал. «Вот шельмец! Объявите ему Благодарность за отличную стрельбу!» – улыбнулся полковник, – «Просто Робин Гуд!» Он с долей восхищения смотрел на проделанное выпущенной пулей отверстие. Пуля попала точно в центр настенных часов. Точно в чёрный стержень, на котором ещё вчера находились часовые стрелки.

Клубничные поля

У меня закончился заграничный паспорт, поэтому я приехал на Милицейский поселок. Какой-то несведущий шутник, за время пока меня тут не было, переименовал название остановки. Раньше она называлась „Типография», в честь стоявшей тут на углу типографии. Да и сама улица тоже называлась Типографская. Поэтому услышав, остановка „Клубничные поля», я даже не понял к чему это, но память из глубины сразу выдала ответ.

До войны, во время и некоторое время спустя тут была колония НКВД. Берия, Ежов, тут были у себя как дома. Она находилась на территории совхоза „XXI съезда КПСС». Это было ближе к Подмосковию с юга Москвы. От Солнцево до Люберец. Здесь находилась не просто зона НКВД, а зона обеспечивающая, всеми необходимыми продуктами питания всю партийную верхушку и Кремль в целом. Племенные бычки, птицефабрики, свинофабрика в Коммунарке, ягодники в Бутово, сады в Орехово, Бирюлево, всевозможная зелень на Белой Даче. Тут же находились заводы и фабрики по изготовлению из этого всего конечных продуктов питания. В Бирюлево находилась даже лаборатория, в которой изготавливались, а вернее выращивались благородные дрожжи для Кремля.

Дрожжи грибок, постоянно растущий. Вот в этом процессе не должно быть ни малейшей даже микрогрязи. От каждого выращивания можно взять совсем немного чистых или благородных дрожжей. Дальше, как ни старайся, попадает микропыль и начинаются мутации. Вот первые или чистые дрожжи шли для Правительства, а мутанты фасовались и отправлялись в общепит. В чем разница? Чистые дрожжи кипельно белые и без запаха. Обалденно их просто пожарить в масле на сковородке, это лучше всякого мясного паштета. При изготовлении дрожжевых продуктов с такими дрожжами, те не имеют своего дрожжевого запаха. Ну и процесс изготовления сокращается в разы.

А от Суханово до Бутово находились клубничные поля. Суханово – бывшее поместье князей Волконских, Войну и мир Льва Николаевича Толстого, думаю, все в школе штудировали. Вот там Андрей Болконский, а жизни он был Андрей Волконский и жил тут, в Суханово. Тут был монастырь. Вот в нем и любили Берия и Ежов, самолично пытать неудобных им людей. Поселок милицкий был назван из-за охраны зоны. Тут жили семьи и сотрудники, которые охраняли зону. У клубники есть замечательное свойство – она хорошо размножается усами и быстро заполняет место посадки. Это ее свойство и использовали чекисты. В Дрожжино, бывшем поместье Зиминой, было отгорожено высоким зеленым забором место в дубраве. Здесь была вырыты несколько рвов. Первыми в них пало все московское духовенство, затем исполнители казни – часть латышских стрелков и сотрудников НКВД, затем там последний приют нашла еврейская община...

Время шло. Рвы наполнили полностью. Тогда убитых стали вывозить на подводах ночью в, заранее найденные, лесные полянки. Захоронив и разровняв место захоронения, высаживали клубничные усы. Их было много, благо рядом были плантации с ними. Через пару месяцев поляна была в клубнике и ничего не говорило о том, что тут произошло. Так, поляна за поляной, весь лес и прилегающая к забору территория была засажена клубникой. После войны, территорию около зеленого забора выдали верхушке НКВД под дачи, с условием: фундамент глубоко не рыть. Так тут появились дачи на костях. Построили дом отдыха, для сотрудников, баню и клуб, напротив клуба, рядом с домом отдыха находились кирпич-

ные, «О» образные склады. Вначале оружейные, потом там был архив НКВД, затем склады МедУ КГБ СССР.

Собирая грибы в этих лесах, я часто натыкался на заросли клубники, на которых ничего никогда не росло. Может они, когда то, и давали урожай по свежей людской крови, но теперь только цветут и больше ничего. Поэтому мне так и резануло слух: следующая остановка, «Клубничные поля».

Так продолжать лечение

Постоянные травмы на соревнованиях, непрерывный бег без остановок и отдыха по жизненному пути, сделали свое дело. В 27 лет я поломался окончательно. Пять межпозвоночных грыж сделали меня почти инвалидом и поставили крест на спортивном пути. Я еще продолжал по инерции участвовать в соревнованиях, но это затрачивало все больше и больше моих сил, да и времени на восстановление требовалось значительно больше, чем раньше. И вот 20 декабря 1987 года мне на очередном совещании вновь вручили кучу грамот за первые и вторые места на различных соревнованиях и выдали, как обычно, новый динамовский спортивный костюм и пару маек. Я это все получил и сел на свое кресло в актовом зале. Встать с него самостоятельно я уже не смог.

Перед этим я уже почти четыре года сидел на ибупрофене, диклофенаке и остальной гадости, помогающей мне хоть как то унять боль в позвоночнике. Последние полгода я сидел на морфинах, так как все остальное на меня уже не действовало. Мой невропатолог Зайцева Ирина Александровна давно уже предлагала мне лечь и прооперироваться, но все было не досуг. Вот теперь карета скорой помощи привезла меня в госпиталь, и дело шло к операции. Медикаментов в госпитале почти не было, давали то, что должны, скорее всего, были списать на Бутовских складах, чтобы лишний раз не выкидывать. В этом и была прелесть бесплатной медицины! В больницы и госпиталя скидывали всю складскую просрочку. Без обезболивающих я заснуть лежа на кровати не мог. Поэтому попробовал заснуть, стоя коленями на полу, а туловищем, поперек кровати, вежливо послав, куда подальше переживающих за мой ночлег заботливых медсестер.

Со мной в палате лежал капитан из девятки, не помню, как звали его, но фамилия была Фадеев. Он тоже лежал со спиной и ждал операцию. Видя, как я мучаюсь, он предложил на ночь по „соточке“. Фляга с чистым спиртом была у него в тумбочке, так мы потом и унимали боль на ночь, чтобы как то заснуть. Благо закуски три раза в день нам подавали в палату, как неспособным самостоятельно сидеть в столовой.

Фадеева каждый день навещал его сослуживец, составляя нам кампанию. Он лежал с пропадной язвой желудка в соседнем отделении и был единственный кто, из нас троих, мог бегать в город за добавкой. Был пятничный вечер, лечащие врачи, составив карты приема лекарств каждому больному, разбегались по домам на выходные. Вадим, дружок моего сопалатника, после ухода лечащего врача пришел вновь к нам и показал свою карту на выходные дни, там был выписан большой список никчемных таблеток. Он огласил весь список, и мы начали его лечить народным методом. Благо ко мне приходили ребята и принесли два литра американского спирта для жарки мяса на решетке. Так мы лечили его все выходные, не разбавляя спирт, а утром в понедельник прибежал радостный Вадим и сообщил нам, что гастроскопия показала – язва зарубцевалась за эти три дня почти на пять мм. Доктор сказал: „Так продолжать лечение!“ – весело сообщил он нам. „Ну что, продолжим лечение? Раз доктор прописал!“ – и Вадим хитро улыбнулся.

Надеюсь, все понимают, что это лишь добрая шутка, а не призыв испортить себе и своим близким всю оставшуюся жизнь своим алкоголизмом.

Рога и копыта

Был прекрасный солнечный июльский день. Где-то недалеко выводил трели соловей, а на соседней берёзе чирикали воробьи. Мы готовились отмечать отъезд Андрея Милова в Чечню. Это была обязаловка. Каждый новый месяц был знаменателен тем, что один из нас приезжал из Чечни, а другой вместо него ехал туда. Потерь почти не было, за всё время нахождения нашего подразделения там, мы потеряли только двоих. Поэтому все туда ехали просто отдохнуть от намозоливших глаза начальников. Соответственно, мы вначале отмечали убытие одного, а через пару дней прибытие другого. Я находился в караульном помещении и готовил шашлыки, чтобы собаки не мешали, я их отпустил погулять. Они собственно были нужны только ночью. Днём же тупо сидели или лежали в тени, прячась от жары. До неимоверности злые на подведомственной территории, они были совершенно безобидными за воротами, и все местные малыши с удовольствием гуляли и игрались с ними.

Позволил телефон, на другом конце провода испуганный женский голос сообщил мне, что наши собаки загрызли чью-то корову и бегают с остатками ноги в зубах по посёлку.

Пообещав разобраться и наказать виновных, я отправил пару человек из местных поискать загулявших злодеев псов. Посёлок был небольшой и через минут тридцать злодеи были передо мной, и я с интересом разглядывал нижнюю часть ноги коровы с копытом. Вернее кость с копытом. Тут недалеко была бойня, и мохнатые прохвосты посетили её. У меня был сотрудник. Паренёк из Подольска по фамилии Гулин. Хороший такой, исполнительный. Одно была беда, он после каждого рабочего дня увозил в своём портфеле ровно два кирпича домой. Брал он их на соседней стройке, которую никто не охранял, зная, что рядом находится воинская часть. Я уже устал говорить ему об этом, но он все равно продолжал это делать. Вспомнив Гулина, у меня появилась интересная мысль.

Через полчаса мы уже отмечали проводы Андрея, пообещав, если что, самое сухое место на кладбище. Шутка грустная, но человек, который живёт всё время в глуши, в лесу или дальней деревни, попадая в город в первый раз, жутко боится машин, а про метро я вообще молчу. Сам был свидетелем, как человек сел на эскалаторе в метро и не хотел вставать от страха. Он впервые был на движущейся под ногами лестнице. Там в деревне, он был самый забияка, а тут вот в непривычной обстановке испугался. Мы просто выросли со всем этим, поэтому и не боимся. Нам это привычно. Вот и смерть, когда она постоянно рядом, к ней словно привыкаешь. Это не душа черствеет, просто устаёшь бояться. Привыкаешь. Ко всему можно привыкнуть. А душа остаётся душой. На войне она даже ещё чувствительнее ко всему хорошему и прекрасному. Мы подчас уже не радуемся музыке, живописи, культуре в целом. На войне всё это приходит само. Этого просто начинает не хватать. Даже самые паршивые стихи ни о чём становятся для тебя прекрасными. Простой карандашный набросок твоего друга, кажется великолепным шедевром. Война обостряет все чувства, но приглушает страх перед смертью. Вот поэтому и шутки такие вроде совсем тупые, воспринимаются совершенно нормально.

Это было у нас суточное дежурство и с утра все доехали на автобусе до метро Теплый Стан и поехали в центр. Саша Гулин всегда садился, мы же если кому то место не доставалось, то стояли все. Так удобнее общаться. Вот и в этот раз Саша сидел, а мы стоя общались. Гулин расстегнул свою сумку, достал газету, полистал, затем достал целлофановый пакет с горстью различных таблеток, они были на всякий случай – мама у Саши была главврачом поликлиники. Нашёл нужную и положил в рот, не то чтобы он болел, а как всегда, на всякий

случай. После этого его внимание привлёк сверток пергамина. Он достал его, и мы, долго ожидающие этого, расступились, так чтобы это было видно всем в вагоне. Саша долго разворачивал свёрток и в конце концов на пол электрички на обозрение всех выпала коровья конечность с мохнатым ворсом вокруг копыта...

Спасибо, девчонки!

Лето. Стою в вагоне электрички метрополитена. Руки на верхних поручнях. В тёмном отражении окна вижу, как девчушка, сидящая передо мной, толкает соседнюю, видно подругу и что-то шёпотом ей «дует» в ухо. При этом показывает ей на меня и осторожно тычет пальцем в мою сторону. После этого обе пристально смотрят мне в центр тела. Опять ширинка расстёгнута, грустно подумал я. Благо мамона нет, смотрю себе вниз живота... Всё в порядке! Магазин закрыт! Что бы это значило? Я ещё раз глянул в то место, куда недавно тыкал девичий пальчик. Там на ремне сиротливо мелькнула кобура от ПСМ. Опять забыл ствол сдать после работы. Значит снова возвращаться... Спасибо, девчонки!

Всевидящее око

Олимпиада 80 в Москве. Мы круглые сутки на ногах, помогая обеспечивать её безопасность. Усталость, постепенно накапливаясь, валит буквально с ног. Спать удаётся 4 – 6 часов в день, не больше. Домой катаю, чисто чтобы поспать... в ванной. Это единственно, чего мне не хватало на работе. Вода снимает, как ничто другое, любую усталость, боль, напряжение.

Еду домой, стоя в вагоне метро. Держусь за поручень, отрубаясь уже на ходу. Никакая сила воли не помогает. Глаза залипают, ноги предательски постоянно подгибаются в коленях, заставляя меня проснуться. Рядом голос:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.